

ОБРАЩЕНИЕ К ПОЛЬСКИМ ДЕМОКРАТАМ

Публикация Як. Черняка

Ниже воспроизводится текст листовки «Нашим польским братьям», написанной в 1866 г. и набранной в женеvской типографии. Текст публикуется по сохранившемуся в «пражской коллекции» корректурному оттиску, не имеющему ни исправлений, ни пометок. Оттиск сделан на отдельной полоске, размером 14,5×25 см. В тексте имеется типографская ошибка: вместо 7 ноября 1866 г. набрано 7 октября. Шрифт и ширина набора (8,5 см) позволяют предположить, что текст этот мог быть предназначен также для помещения в «Колокола».

Автором листовки является Герцен, хотя она и подписана именами обоих редакторов «Колокола». Авторство Герцена устанавливается содержанием листовки. Так, характеризуя деятельность свою и Огарева с 1853 г., Герцен мог назвать ее «нашею», за себя и Огарева, — «наша деятельность», «с первых статей нашей русской пропаганды»; Огарев же подобной фразы написать не мог: он начал участвовать в лондонской пропаганде только три года спустя, с 1856 г. Кроме того, в предпоследнем абзаце листовки Герцен говорит прямо: «Три года тому назад я писал к Гарибальди...», приводя далее выдержку из своего письма от 21 ноября 1863 г., опубликованного в «Колоколе» (л. 177, от 15 января 1864 г.; ср. XVI, 533—534).

Содержание листовки было ранее известно только из французского перевода — «A nos freres polonais» («Нашим польским братьям») — включенного Лемке в собрание сочинений Герцена (XIX, 94—95). Публикуя текст «A nos freres polonais», Лемке сообщил в библиографическом комментарии: «Напечатано нигде не было, сверено с копией, хранящейся в Музее революции (Петроград) и заверенной Герценом, подписавшим ее: 7 Nov. 1866; копия Румянцевского музея неисправна и Герценом не скреплена» (XIX, 450).

Приведенная справка заключает в себе столь серьезную ошибку Лемке, что заставляет взять под сомнение и все остальное, сообщенное им по поводу данного текста. «Копия Румянцевского музея», о которой говорит Лемке, оказалась в действительности подлинником — автографом Герцена на французском языке: он хранится в Отделе рукописей Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина; на автографе тоже есть дата «7 Nov. 1866» и пометка, сделанная сверху листа рукой Герцена: «В. В.» (расшифровать эти инициалы нам не удалось). Помимо автографа в том же собрании хранится список, сделанный Н. А. Тучковой-Огаревой с *исправлениями* и с тою же пометкою «В. В.». Если предположить, что Лемке, по каким-то причинам не заметивший автографа Герцена, имел в виду только копию Тучковой-Огаревой, то и в этом случае его утверждение вряд ли соответствует действительности: копия *исправлена*, вероятно, *самим Герценом* (ср. «Описание рукописей А. И. Герцена», изд. 2. М., 1950, стр. 19; №№ 58 и 59).

Дата «7 Nov. 1866», проставленная и на автографе и на обеих копиях, не только обнаруживает опечатку в публикуемом нами тексте (7 октября), но и позволяет уточнить хронологию всех событий, относящихся к данному эпизоду (подробнее о нем см. ниже в настоящем томе). Статья Огарева «Продажа имений в Западном крае», вызвавшая конфликт редакции «Колокола» с польскими и русскими демократическими

деятелями, появилась в «Колоколе» 1 ноября 1866 г. (л. 224). Через неделю оказалось необходимым подготовить на русском и французском языках проект текста листовки, объясняющей «недоразумение»; конфликт к этому времени, следовательно, был уже в разгаре. Быстрота, с какой он развивался, была вызвана прежде всего накаленностью атмосферы, подогретой выступлениями реакционной националистической печати в России, которая требовала руссификации Западного края. Но была и другая причина быстрого развития и расширения конфликта, втянувшего в свою орбиту многих лиц. Редакция «Колокола» еще до обнародования статьи Огарева, познакомила с ее текстом нескольких деятелей, в частности А. А. Серно-Соловьевича. Повидимому, Серно-Соловьевич прочитал статью Огарева почти одновременно с Герценом (в корректуре, как он сам сообщает в своей листовке «Польский вопрос. Протест русского против „Колокола“»); Герцен же правил корректуру статьи Огарева 19—20 октября 1866 г. (XIX, 74—75). Отсюда можно заключить, что уже в двадцатые числа октября по корректуре статьи Огарева ряд лиц — Л. Чернецкий, С. Тхоржевский, полковник Стелла (Савицкий, участник польского восстания), Серно-Соловьевич, несомненно и другие, были осведомлены о предстоящем выступлении «Колокола». Серно-Соловьевич тотчас же, не дожидаясь обнародования статьи, заявил редакции протест и пытался предотвратить этот шаг «Колокола», как он рассказывает об этом в упомянутой листовке («Лит. наследство», т. 41-42, 1941, стр. 113).

Сличение публикуемого нами русского текста с французским — с тем, который напечатан Лемке, и тем, что хранится в Гос. библиотеке СССР им. В. И. Ленина, — позволяет установить следующее: 1) Первоначальный русский текст, написанный от имени Герцена и Огарева и подписанный обоими, был при переводе его Герценом на французский язык отредактирован и превращен в единоличное обращение, в котором об Огареве говорится в третьем лице («Ogareff dit ...», «Et pourtant la proposition d'Ogareff est tout à fait logique...»)*. Соответственно этому во французском переводе отсутствует подпись Огарева. 2) Автограф Герцена содержит после заключительных слов текста зачеркнутую фразу: «Nous vous prions de lire la traduction exacte de l'article d'Ogareff — qui suit» **.

Как видно из этой фразы, Герцен предполагал сопроводить публикацию французского текста листовки переводом статьи Огарева («Продажа имений в Западном крае»), вызвавшей необходимость объяснения. Это позволяет заключить, что выступление Герцена предназначалось для какого-то журнала на французском языке (но едва ли для газеты, так как листовка вместе со статьей Огарева была более обычной газетной статьей). Если это предположение правильно, то инициалы «В. В.» означают, возможно, либо название издания, либо имя и фамилию лица, которому текст должен был быть послан.

Обнаруженный корректурный оттиск русского текста листовки показывает, что утверждение Лемке: «напечатано нигде не было» — подлежит проверке. Разыскать публикацию не удалось и нам, но это еще не значит, что ее и не было, как утверждает Лемке. Напротив, Герцен сам свидетельствует уже *после* 7 ноября, т. е. после того как были написаны оба текста, русский и французский, что *собирается печатать свой ответ*.

15 ноября 1866 г. он писал М. Мейзенбуг: «Я ожидаю появления протеста (со стороны поляков. — Я. Ч.) в печати, чтобы ответить, и возможно, что это займет еще дней десять» (XIX, 99). Правда, 2 декабря Герцен сообщил старшей дочери, что ни в Швейцарии, ни в Париже польский протест до 1 декабря не появился (XIX, 134—135), а в середине декабря писал Н. А. Тучковой-Огаревой, что поляки «хотя официально мириться» (XIX, 138). Но все же, на основании этих сообщений Герцена, сделанных в обстановке развивающегося конфликта, нельзя категорически утверждать, что настоящая листовка не была Герценом обнародована.

Вопрос, таким образом, остается открытым.

* «Огарев говорит...», «И все же предложение Огарева совершенно логично» (франц.).

** «Мы вас просим прочесть точный перевод статьи Огарева, который следует» (франц.).

НАШИМЪ ПОЛЬСКИМЪ БРАТЬЯМЪ

Между нами произошло важное недоразумѣніе, намъ надобно непременно братски покончить его. Васъ привело въ негодование мѣстное, высказанное однимъ изъ насъ. Мы постараемся въ нѣсколькихъ словахъ объяснить его.

Съ 1853 наша дѣятельность шла возлѣ васъ. Вы ее знаете отъ начала до конца. Съ первыхъ статей нашей русской пропаганды въ Лондонѣ, мы ясно высказали наши начала, и ни разу не уклонились отъ нихъ. Мы не выдавали себя ни за націоналистовъ, ни за патриотовъ. Въ основѣ нашей релігіи были рядъ социальныхъ идей, который мы старались распространять, осуществлять, въ нихъ ваша народность и отечество. Россія представляла намъ наиболее готовую почву, для экономическаго переворота и десять лѣтъ прежде освобожденія крестьянъ, мы проповѣдывали объ ихъ *правѣ на землю*. На немъ и на сельскомъ общинномъ и выборномъ самоуправленіи, основываемъ мы всю будущность русской социальной организаціи.

Переходимъ прямо къ статьѣ, имѣвшей несчастіе раздволить насъ, на минуту, какъ мы увѣрены, потагася на чистоту нашей совѣсти и прямоту намѣреній. Авторъ статьи говоритъ: "Русское правительство совершаетъ преступленіе въ Литвѣ. Секвестрировавши произвольно имѣніе одной части польскихъ землевладѣльцевъ, оно заставляетъ ихъ прозвать свои земли — *русскими и немецкими помѣщикамъ*. Мы не можемъ прелестновать, повторять нѣсколько разъ авторя, исполненію этой несправды. Постараемся по крайней мѣрѣ, пересдвинуть этотъ вопросъ на другую почву. Если грабительствующее правительство, прибѣгаетъ къ насильственной продажѣ, зачѣмъ-же оно вводитъ въ край растленный элементъ русскихъ помѣщиковъ и немецкихъ интригантовъ? Почему крестьяне, одни имущіе право на землю, исключены? Если-же мѣстные крестьяне не хотятъ дѣлать складчину, отчего не предложить се *крестьянамъ дружить провинціи*". Это послѣднее предложеніе — возбуждало противъ насъ — общее порицаніе, къ нашему искреннему присорбью.

Предложеніе автора, совершенно логически истекаетъ изъ всего воззрѣнія нашего. Можетъ оно выражено не во время, въ такомъ случаѣ мы первые отъ души скорбимъ, что прибавили еще торжкую минуту къ великому сѣтованію вашему. Въ этомъ вы судны, и мы умоляемъ. Безусловное, неопровержимое право польской народности, было всегда однимъ изъ вашихъ догматовъ.

Три года тому назадъ, я писалъ къ Гарибальди: "Независимость Польши — наше собственное освобожденіе. Въ тотъ день, когда Польша будетъ восстановлена, мы брошимъ покровъ на прошедшее и твердыми шагами пойдемъ къ нашему будущему, разрушая имперію, дѣлающую несчастіе шестой части земскаго шара".

Тогда наша рѣчь будетъ свободна... До тѣхъ поръ мы искренно жертвуемъ часть нашихъ убѣжденій, какъ скорбный даръ глубокаго сочувствія нашей несчастной, измученной Сестрѣ.

Александръ Герцель,
Николай Огаревъ.

Женева, 7 Октября, 1866.

«НАШИМЪ ПОЛЬСКИМЪ БРАТЬЯМЪ»

Корректурный оттискъ, 1866 г.

Центральный государственный архив Октябрьской революции,
Москва

Дальнейшие разыскания необходимы тем более, что один протест на французском языке против редакции «Колокола» все же был напечатан — листовка А. А. Серно-Соловьевича «Польский вопрос. Протест русского против „Колокола“» вышла в свет в ноябре—декабре 1866 г. («Лит. наследство», т. 41-42, стр. 113—115).

НАШИМ ПОЛЬСКИМ БРАТЬЯМ

Между нами произошло важное недоразумение, нам надобно непременно братски покончить его. Вас привело в негодование мнение, высказанное одним из нас. Мы постараемся в нескольких словах объяснить его.

С 1853 наша деятельность шла возле вас. Вы ее знаете от начала до конца. С первых статей нашей русской пропаганды в Лондоне мы ясно высказали наши начала и ни разу не уклонялись от них. Мы не выдавали себя ни за националистов, ни за патриотов. В основе нашей религии был ряд социальных идей, которые мы старались распространять, осуществлять, в них наша народность и отечество. Россия представляла нам наиболее готовую почву для экономического переворота, и десять лет прежде освобождения крестьян мы проповедывали об их *праве на землю*. На нем и на сельском общинном и выборном самоуправлении основываем мы всю будущность русской социальной организации.

Переходим прямо к статье, имевшей несчастье раздвоить нас, на минуту, как мы уверены, полагаясь на чистоту нашей совести и прямоту намерений. Автор статьи говорит: «Русское правительство совершает преступление в Литве. Секвестрировавши произвольно имения одной части польских землевладельцев, оно заставляет их продавать свои земли *русским и немецким помещикам*. Мы не можем препятствовать, повторяет несколько раз автор, исполнению этой неправды. Постараемся, по крайней мере, переставить этот вопрос на другую почву. Если грабительствующее правительство прибегает к насильственной продаже, зачем же оно вводит в край растленный элемент русских помещиков и немецких интригантов? Почему крестьяне, одни имущие право на землю, исключены? Если же местные крестьяне не хотят делать складчин, отчего не предложить ее *крестьянам других провинций?*» Это последнее предложение возбудило против нас общее порицание, к нашему искреннему прискорбию.

Предложение автора совершенно логически истекает из всего воззрения нашего. Может, оно выражено не во-время, в таком случае мы первые от души скорбим, что прибавили еще горькую минуту к великому сетованию вашему. В этом вы судьи, и мы умолкаем. Безусловное, неопровержимое право польской народности было всегда одним из наших догматов.

Три года тому назад я писал к Гарибальди: «Независимость Польши — наше собственное освобождение. В тот день, когда Польша будет восстановлена, мы бросим покров на прошедшее и твердыми шагами пойдём к нашему будущему, разрушая империю, делающую несчастье шестой части земного шара».

Тогда наша речь будет свободна... До тех пор мы искренне жертвуем часть наших убеждений как скорбный дар глубокого сочувствия нашей несчастной измученной Сестре.

Александр Герцен,
Николай Огарев

Женева, 7 ноября * 1866

Корректурный оттиск. ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 63.

* В подлиннике опечатка: октября